УДК: 343.3 DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-197-201

ПОЛИТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО УСМОТРЕНИЯ

Назаренко Г.В.[1]

Политика ограничений усмотрения правоприменителя в уголовном законодательстве представляет собой многомерное явление. В доктрине уголовного права политика ограничений судебного усмотрения является новым видом уголовной правовой политики, который требует всестороннего исследования. В законодательстве политика правовых ограничений находит свое отражение в принципах уголовного закона и различных уголовно-правовых институтах. Практическая реализация политики уголовно-правовых ограничений направлена на укрепление законности и устранение произвола в деятельности судов и должностных лиц правоохранительных органов. В целом политика правовых ограничений усмотрения правоприменителя представляет собой комплекс правовых средств, которые сдерживают поведение правоприменителя, не соответствующее принципам уголовного закона.

Ключевые слова: политика правовых ограничений, усмотрение правоприменителя, сдерживание правоприменителя, правовые средства сдерживания, законность и произвол.

POLICY OF CRIMINAL LAW RESTRICTIONS OF ENFORCEMENT DISCRETION

NAZARENKOG.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminal Law, SouthwestState University (Russian Federation, Kursk), e-mail: orcrimpraco@yandex.ru

The policy of restricting the discretion of the law enforcer in criminal law is a multidimensional phenomenon. In the doctrine of criminal law, the policy of restrictions of judicial discretion is a new kind of criminal legal policy, which requires a comprehensive study. In the legislation, the policy of legal restrictions is reflected in the principles of criminal law and various criminal law institutions. Practical implementation of the policy of criminal legal restrictions is aimed at strengthening the rule of law and eliminating arbitrariness in the activities of courts and law enforcement officials. In general, the policy of legal restrictions on the discretion of the law enforcer is a complex of legal remedies that restrain the behavior of the law enforcement officer that does not comply with the principles of criminal law.

Keywords: policy of legal restrictions, discretion of the law enforcer, restraints of the law enforcement agent, legal deterrents, legality and arbitrariness.

Политика правовых ограничений представляет собой сдерживание нежелательного поведения правоприменителя юридическими средствами, которые в общей теории права получили название правовых ограничений. В качестве таких средств в уголовном законодательстве выступают правовые запреты, обязательства и другие меры сдерживания правоприменительного усмотрения, способного перерасти в произвол должностных лиц правоохранительных органов и суда.

Назаренко Геннадий Васильевич — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, адрес: 305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94, e-mail: orcrimpraco@yandex.ru

Правоприменительное усмотрение имеет место в любой отрасли законодательства, поскольку нормативно-правовые акты устанавливают общие нормы поведения субъектов права и оставляют определенное пространство для принятия решений применителю правовых норм в лице суда и сотрудников правоохранительных органов. Однако широкое правоприменительное усмотрение, не знающее границ, особенно нежелательно в уголовном праве, так как такого рода усмотрение является произволом, нарушающим права и законные интересы граждан. В этой связи проблема усмотрения в уголовном праве и в уголовном процессе в 2009 г. стала предметом обсуждения на заседании Научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, где единодушно говорилось о необходимости формализации этого процесса и недопустимости его расширения, в том числе неограниченного судебного рассмотрения[1]. Согласно «Методике проведения актикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов», широта дискреционных полномочий является одним из коррупциогенных факторов, устанавливающих для правоприменителя растяжимые пределы усмотрения и возможность необоснованного применения исключений из общих правил[2].

В уголовном законодательстве право усмотрения является неотъемлемым атрибутом правоприменения, так как общие нормы, к тому же содержащие оценочные признаки, открытые перечни, относительно определенные и альтернативные санкции, не могут регулировать индивидуальные ситуации без усмотрения правоприменителя.

Противники правоприменительного усмотрения считают, что усмотрение как таковое является результатом несовершенства законодательной техники уголовного закона и не соответствует перспективе развития уголовно-правовой политики и, соответственно, оценивают усмотрение как временную необходимость[3]. Сторонники усмотрения в уголовном праве справедливо отмечают, что усмотрение правоприменителя – это основанная на нормах уголовного закона деятельность компетентного органа, которая заключается в правовой оценке обстоятельств дела и имеет своим итогом принятие решения в рамках закона в отношении лица, совершившего преступление[1].

Данное определение несколько сужает сферу усмотрения в уголовном праве, так как ограничивает его использование только в отношении лиц, совершивших преступные деяния, и упускает из виду лиц, которые действуют в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, таких как необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, психическое или физическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения (ст. 37– 42 УК). При этом автор в целом верно рассматривает усмотрение как элемент правоприменительной деятельности в пределах, установленных уголовно-правовыми нормами.

Политика правовых ограничений правоприменительного усмотрения в уголовном праве регулируется принципами уголовного законодательства, которые закреплены Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 г.[2].

---

[1] См.: Жевлаков Э., Звечаровский И. Усмотрение в уголовном праве и уголовной процессе // Уголовное право. – 2010. – №1. – С. 108 –113.

[2] См.: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. №96 //СЗ РФ. – 2010. – №10. – Ст. 1084 (с посл. изм. и доп.).

[3] См.: Бойко Д.В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: автореферат дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград. – 2011. – С. 21–22.

[1] См.: Пархоменко Д.А. Усмотрение в уголовном праве: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2016. – С. 22.

[2] Скурко Е.В. Принципы права: монография. – М.: Ось-89, 2008. – С. 7–21; Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 84 –149.

Статья 3 УК «Принцип законности» запрещает применение уголовного закона по аналогии. Данное предписание определяет пределы правоприменительного усмотрения и соответствует ст. 54 Конституции РФ, гласящей: «Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением». Запрет применения уголовного закона по аналогии ограничивает усмотрение правоприменителя рамками действующего уголовного закона и тем самым препятствует произвольному толкованию уголовно-правовых норм, неограниченно расширяющему возможность их применения.

Статья 5 «Принцип вины» не допускает объективное вменение, то есть уголовную ответственность, за невиновное причинение вреда. Суд вправе назначить наказание только за то общественно опасное деяние и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена вина субъекта в форме умысла либо неосторожности. Иными словами, правоприменительное усмотрение ограничено принципом субъективного вменения, исключающим вменение, имеющее объективный характер, то есть не опирающееся на вину субъекта.

Статья 6 «Принцип справедливости» запрещает повторное осуждение за ранее совершенное преступление, что соответствует традиционному принципу non bis idem (не наказывать дважды за одно и то же). Указанное ограничение, адресованное суду, обеспечивает единство правоприменительной практики за счет исключения судебного усмотрения, противоречащего принципу справедливости.

Статья 7 «Принцип гуманизма» запрещает должностным лицам правоохранительных органов и судам причинять физические страдания и унижать человеческое достоинство лиц, совершивших преступления. В результате усмотрение правоприменителя ограничивается назначением и применением наказания и других мер уголовно-правового характера, предусмотренных уголовным законом. В этой связи В.В. Мальцев справедливо отмечает, что «к лицам, совершившим преступления, не применяются калечащие, членовредительские и позорящие наказания, и установлен мораторий на применение смертной казни»[1]. Т.В. Клёнова в свою очередь подчеркивает, что «принцип гуманизма, в целом не характерный для уголовного права с его многочисленными запретами и суровыми наказаниями, имеет назначением ограничение уголовного принуждения, что отражается в правилах назначения наказания»[2].

Политика ограничения судебного усмотрения проявляется не только в правилах назначения наказания, которые детально регламентируют общие начала назначения наказания (ст. 60 УК), но и в специальных правилах назначения наказания, охватывающих ряд статей УК РФ (ст. 61–73 УК), содержащих множество ограничительных признаков, значительно сужающих судебное усмотрения в сфере наказания.

Эффективным средством ограничения правоприменительного усмотрения являются постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения норм уголовного законодательства, постановления Президиума Верховного Суда РФ, определения Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам. Указанные разъяснения Верховного Суда по вопросам применения Уголовного кодекса РФ считаются актами прецедентного толкования, которые обязательны для нижестоящих судов и принимаются во внимание сотрудниками правоохранительных органов при квалификации преступных деяний. Постановления и определения, даваемые органами Верховного Суда РФ, хотя и не содержат новых норм, создают четкие ориентиры реализации уголовно-правовых предписаний и

[1] Мальцев А.В. Принципы уголовного права: монография. – Волгоград: ВШ МВД России. – 2001. – С. 151.
[2] Кленова Т.В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве //Государство и право. – 1997. – №1. – С. 56.

позволяют избежать необоснованного толкования и расширительного применения уголовного законодательства при оценке содеянного в качестве преступного либонепреступного (ч. 2 ст. 14, ч. 3 ст. 20, ст. 21, ст. 28, ст. 31, ст. 37-42 УК) и квалификации преступных деяний по статьям Особенной части Уголовного кодекса с учетом (в необходимых случаях) статей Общей части.

Разъяснения Верховного Суда РФ касаются фактически всех разделов уголовного законодательства и направлены против произвольного толкования и ошибочного применения уголовно-правовых предписаний в отношении лиц, подлежащих и не подлежащих уголовной ответственности, совершивших оконченные и неоконченные преступления в одиночку либо в соучастии, либо защищающих права и законные интересы в обстоятельствах, исключающих преступные деяния, а также подвергаемых наказанию или иным мерам уголовно-правового характера, либо освобождаемым от ответственности или от наказания.

Решения Верховного Суда Российской Федерации ограничивают усмотрение нижестоящих судов в отношении лиц, совершивших преступления против личности, общественной безопасности и общественного порядка, против здоровья населения и общественной нравственности, против государственной власти, военной службы и в сфере экономики, тем самым способствуют исключению произвола в деятельности судов и нарушению законности. Прецеденты судебного толкования по своей сути являются необходимыми инструментами уголовно-правовой политики ограничения правоприменительного усмотрения, поскольку сдерживают расширительное применение уголовного закона и ограничивают усмотрения нижестоящих судов и должностных лиц правоохранительных органов, использующих разъяснения Верховного Суда РФ. Несмотря на инструментальную роль разъяснений, в уголовно-правовой литературе значение актов прецедентного толкования в политическом аспекте недооценивается, так как значительное внимание традиционно уделяется дискуссионным вопросам о сущности правоприменительной деятельности Верховного Суда РФ, юридической силе разъяснительных актов, компетенции органов, дающих разъяснения, и т.д.

В последние два десятилетия политика правовых ограничений судебного усмотрения приобрела особое значение в связи с интенсификацией законотворческого процесса. Законодатель за указанный период принял 198 Федеральных законов, которые внесли около трех тысяч изменений и дополнений в действующий Уголовный кодекс РФ. Внесенные в Кодекс изменения предусматривают ограничения судебного усмотрения в институтах уголовной ответственности несовершеннолетних, касающиеся видов наказаний (ст. 88 УК), применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК), освобождения от наказания (ст. 92 УК), условно-досрочного освобождения (ст. 93 УК), сроков погашения судимости (ст. 95 УК), а также в институтах освобождения от уголовной ответственности и от наказания (главы 11, 12 УК), в институте конфискации имущества (глава 15.1 УК) и статьях Особенной части УК РФ.

Вместе с тем политика правовых ограничений судебного усмотрения применительно к действующему уголовному законодательству проводится недостаточно последовательно, так как в ряде случаев дискреционные полномочия суда необоснованно расширяются. В 2010–2011 гг. по инициативе Минюста РФ законодатель отменил нижние пределы санкций значительного количества статей Уголовного закона. В 2011 г. суду предоставлено право изменять категорию преступления на более мягкую (ч. 6 ст. 15 УК), что является прерогативой законодателя. В 2013 г. суд получил право по своему усмотрению признавать в качестве отягчающего обстоятельства состояние опьянения лица, совершившего преступление (ч. 1.1 ст. 63 УК). Указанные нововведения являются далеко не бесспорными, так как противоречат политике уголовно-правовых ограничений правоприменительного усмотрения.

На наш взгляд, проблема ограничений правоприменительного усмотрения в аспекте современной уголовной политики является перспективным направлением уголовно-правовых

исследований, поскольку от ее решения зависит модернизация всех институтов уголовного законодательства, практика применения уголовно-правовых норм и в конечном итоге состояние законности в Российской Федерации.

Библиография/References:

1. Бойко Д.В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2012. – 34 с.
2. Жевлаков Э., Звечаровский И. Усмотрение в уголовном праве и уголовном процессе // Уголовное право. – 2010. – №1. – С. 108 – 113.
3. Клёнова Т.В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. – 1997. – №1. – С. 53 – 58.
4. Мальцев А.В. Принципы уголовного права: монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2001. – 256 с.
5. Пархоменко Д.А. Усмотрение в уголовном праве: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: закон и право, 2016. – 128 с.
6. Скурко Е.В. Принципы права: монография. – М.: Ось-89, 2008. – 192 с.
7. Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. – М.: Волтерс Клувер. 2007. – 197 с.

1. Boiko, D.V. (2012) Zakonnost' i usmotrenie v pravoprimenitel'noi deiatel'nosti: voprosy teorii [Legality and discretion in law enforcement: questions of theory]: Avtoref. dis. … kand. iurid. nauk. – Volgograd. – 34 p. (In Russ.)
2. Jelvakov, E., Zvecharskiy, I. (2010) Usmotrenie v ugolovnom prave I ugolovnom processe [Usmotreniye in criminal law and criminal trial] // Ugolovnoe pravo. – №1. – P. 108 – 113. (In Russ.)
3. Klenove, T.V. (1997) Principi ugolovnogo prava i principi kodifikacii v ugolovnom prave [The principles of criminal law and the principles of codification in criminal law] //Gosudarstvo i pravo [State and Law]. – №1. – P. 53 – 58. (In Russ.)
4. Mal'cev, A.V. (2001) Principi ugolovnogo prava [Principles of criminal law]: monografiya. – Volgograd: VA MVD Rossii. – 256 p. (In Russ.)
5. Parhomenko, D.A. (2016) Udmotrenie v ugolovnom prave [Discretion in criminal law]: monografia. – M.: UNITI-DANA: zakon i pravo. – 128 p. (In Russ.)
6. Skurko, E.V. (2008) Principi prava [Principles of the right]: monografia. – M.: Os'-89. – 192 p. (In Russ.)
7. Cherednichenko, E.E. (2007) Principi ugolovnogo zakonodatel'stva: ponytie, sistema, problemi zakonodatel'noi reglamentacii [Principles of the criminal legislation: concept, system, problems of a legislative regulation]. – M.: Volters Kluver. – 197 p. (In Russ.)